

выдерживает критики. Для живых существ чувство опасности есть напоминание о возможной гибели. Страх позволяет им выжить. А если бы знание о смерти не было намертво вбито в гены, то все живое на земле погибло бы, перестав страшиться любых опасностей. Л. Уотсон с уверенностью констатировал, что чувство опасности в подсознании животного и человека адекватно страху смерти. Но у человека это чувство значительно осложнено приобретенными в процессе жизни культурными навыками, опытом абстрактного мышления, развитием интуиции.

Человек способен воспринимать не только прямую, непосредственную угрозу жизни, но и косвенную, отдаленную, выраженную в любой воспринимаемой им коммуникационной системе. Слова «здесь большая радиация» или «у меня в портфеле бомба» могут вызвать панический ужас, хотя сенсорная система человека об опасности не сигнализирует.

В. Гулиев

ПРАВО ЖИТЬ И ПРАВО УБИВАТЬ

В России смертная казнь для умышленных убийц и террористов является условием необходимой самообороны социума. Не скрою, мне уже доводилось принимать участие в публичной полемике по поводу смертной казни — в заседаниях ученого совета Института государства и права РАН, на Радио «Свобода», на страницах периодических изданий. Но дискуссия не закончена. Более того, на фоне усиливающейся террористической агрессии общественное мнение в России, да и повсеместно в мире, актуализирует эту проблему. Терракты в США 11 сентября 2001 года предельно прояснили: у цивилизованного человечества нет иной адекватной меры против террористической интервенции, чем физическая ликви-

дация террористов, — по суду или де-факто, в зависимости от обстоятельств их задержания.

Мораторий на казнь как санкция на убийство

Семь десятилетий у нас карали за все и вся, погубив чуть ли не треть нации, а считая нерожденных детей и внуков — не менее половины. Затем кинулись в иную крайность, пока еще не сопоставимую по губительным последствиям с тоталитаризмом, но в принципе тоже асоциальную: прощать, амнистировать, миловать — и притом безоглядно. Даже юристы, похоже, не могут разобраться в череде амнистий, объявляемых Государственной Думой, — в связи с участием в чеченской кампании, по случаю годовщины Победы в Великой Отечественной войне, да и попросту за отсутствием хотя бы минимальной площади и кубатуры в местах лишения свободы. Между тем продолжается судебная практика жестокого и несоразмерного наказания за преступления, не представляющие значительной общественной опасности. В стране нет устойчивой и последовательной судебной политики (как говорили раньше). Правосудие — селективно, лицеприятно, небескорыстно, в том числе по отношению к тягчайшим преступлениям против жизни, здоровья, собственности и общественной безопасности.

Все это чутко и живейшим образом воспринимает криминальный парасоциум, который сформировался за последнее десятилетие. По наблюдениям криминологов, преступное сообщество в течение трех суток бурно праздновало введение в стране моратория на применение смертной казни. Весьма неглупые люди сразу поняли: даже пожизненное заключение, не говоря уже о продолжительном (но не бессрочном) лишении свободы, сохраняет осужденным надежду на амнистию, помилование, пересмотр дела, побег и т.д. К тому же наше законодательство не знает такого препятствия на пути освобождения серийных убийц или террористов, как институт судебного запрета на их помилование: вполне в традициях самодержавного, а потом и тоталитарного государства российский суд бессилен и безгласен перед президентской властью.

Сторонники отмены «исключительной меры» исходят из абстрактных и в целом впечатляющих рассуждений о высшей ценности жизни и ограниченности полномочий государства распоряжаться ее биологической и нравственно-правовой судьбой. И с этим нельзя не согласиться: так и должно быть. Особенно в страшном свете исторического опыта нацизма и реального социализма. Так что к отмене смертной казни идти необходимо.

Но Россия ныне живет не в обычных, нормальных условиях. Более 30 тысяч только зарегистрированных убийств в год. Оснащенность преступных группировок техникой, связью, транспортом, финансами, кадрами — лучше, чем у милиции. Общее обесценивание человеческой жизни. К тому же уровень латентности (скрытости, неявности) покушений на жизнь требует не просто увеличения, а умножения (в 3—5 раз!) цифровых показателей нашей полной незащищенности перед преступным миром. Сравните статистику нашего мирного времени и статистику, скажем, афганской войны — и вы поймете: в России идет криминально-гражданская война преступных сообществ против законопослушного населения. Терроризм вошел в повседневность, стал бытовым. Наконец, террор превратился в привычный «деловой арбитраж», замену судебной тяжбы (при истребовании долга и т.п.). Рядом с публичной властью государства выросла параллельная властная структура со своей системой органов, квазигиридрическими нормами поведения и ответственностью за их нарушение.

Мои коллеги-юристы говорят, что жестокость наказания сама по себе не сокращает преступности. В общем, это так. Но кто доказал, что либерализация наказания за преступления против жизни сокращает их число? Не жестокость или мягкость наказания необходимы, а его соразмерность: а) индивидуально содеянному и б) общественной опасности данной категории преступлений. Соразмерность наказания преступлению держит под контролем и относительно ограничивает убийства, их число и характер. То есть относительно защищает человека, его жизнь, эту высшую ценность. Между тем либералы-криминологи стыдливо умалчивают,

как бы утаивают прискорбный, но от того не менее непреложный факт: введение моратория на казнь привело к росту годового среднестатистического числа убийств в России приблизительно с 20 тысяч в год до 32 тысяч.

У нас всегда существовал весьма значительный слой людей, которых ни тюрьмой, ни тем более колонией не испугать и от совершения убийства не отвратить. Для многих ИТУ — «дом родной». Отмена смертной казни, ее замена в этих условиях, да еще когда нет реальных возможностей для всех убийц (найденных, изобличенных, осужденных — а это все под большим вопросом) обеспечить замену казни на пожизненное заключение, означает снятие последних ограничений на всесезонный отстрел мирного населения.

Один мой коллега — противник смертной казни, авторитетный специалист в области уголовного права и криминологии, как-то привел такой довод. Пешеходы, перебегая улицу в неразрешенном месте, знают, что рискуют жизнью, но все-таки делают это. Значит, угроза гибели не предотвращает нарушений. Убийцы тоже знают, что могут быть осуждены на смерть, но все равно убийства не прекращаются. Так нужно ли сохранять эту меру наказания?

Хороший пример, но доказывает он, на мой взгляд, нечто противоположное. Ведь под колесами автомобилей погибают не 9 из 10 пешеходов — нарушителей правил дорожного движения, а менее одного процента. Криминологи вывели (простите меня, либералы!) численную «квоту» смертных приговоров, которая способна остановить рост преступлений против жизни. Излишне говорить, что эта квота никогда не заполнялась. Так и смертная казнь недостаточно страхует общество от умышленных убийств главным образом из-за того, что она не неотвратима.

Кто-то из французов уже давно произнес: «Вы, друзья мои, за отмену смертной казни, я тоже. Так пусть же перестанут нас убивать» (это было сказано в стране, где в то время совершались десятки убийств). Иначе «их право жить» станет нашим «правом умирать» — в стране, где убивают десятками тысяч.

Ныне в России череда криминальных событий беспощадно демонстрирует отсутствие политической, административной и полицейской воли, нацеленной на радикальное противостояние уголовной преступности. Особенно ужасно положение с личной безопасностью граждан: само право на жизнь стало чем-то эфемерным. По сути, его более нет, если считать правом гарантированное обществом и властью надежное, защищенное состояние человека. Есть лишь возможность выжить, не привлекая к себе внимания ни преступных сообществ, ни уличного хулигана и грабителя, ни, наконец, тех «правоохранителей», которые вконец распустились, получая все более бесконтрольные полномочия, и все чаще «раскрывают» преступления (если раскрывают), выбивая признания из правых, виноватых или просто случайно задержанных.

Наш либерализм: в лаптях, но во фраке

Теперь — несколько иной сюжет: о либералах. Лично я их люблю (конечно, искренних, убежденных, а не политиканствующих). В своей любви к свободе они подкупающе привлекательны. Извините за нескромность, я и сам либерал, но и гуманист тоже (а это не всегда сходится!). Иначе говоря — я за свободу для благополучия человека, а не свободу, так сказать, в себе и для себя самой. А свободе надобно учиться, ее нужно осваивать. Один пример. Будучи сторонником реформ Ельцина — Гайдара, я соглашаюсь с тем, что на рубеже 1991—1992 годов уже не было времени капитально подготовиться к либерализации экономики: ее, да и страну в целом, надо было просто спасать (от голода, хозяйственного коллапса, столкновения России с рядом бывших союзных республик). И отцы-реформаторы, европейски и американски образованные «завлабы», вошедшие во власть, не учли опыта, например скромной Индии, где, проводя реформы и отпуская цены, власти позаботились о гарантированном доступном продовольственном и вещевом обеспечении имущественных низов. В России возобладала, так сказать, безоглядная любовь к свободе — экономической, политической, как следствие этого — и бюрократической, а далее, ко-

нечно же, криминальной. Раскрепощение человека — либерализация экономики — эмансипация преступного мира: такова схема.

И вот либералы потребовали отмены смертной казни, а для начала добились моратория на ее применение. Членство в Совете Европы, международные пакты о правах, европейские конвенции Россию к тому обязывают. Но ведь все эти структуры, институты, документы рождены в преуспевающем обществе и для благополучных государств с низким уровнем преступности и высокой степенью защищенности населения, каждого гражданина...

До введения моратория на исполнение смертной казни наш УК позволял суду выносить приговор о высшей мере наказания лишь при убийствах с отягчающими обстоятельствами. А почему бы не сформулировать закон так — повторяю, для наших, экстремальных специфических обстоятельств: умышленное убийство без смягчающих вину обстоятельств влечет вынесение смертного приговора. Дабы потенциальный убийца знал: идя на преступление, он меняет свою жизнь на жизнь своей жертвы.

Самый сильный, на мой взгляд, аргумент за исключение высшей меры из перечня наказаний — невозможность исправления судебной ошибки. Что ж, значит, необходимо улучшить предварительное расследование, усугубить проверку судом следственных данных, наконец, усилить проверку вынесенного приговора. Например, помимо кассационного рассмотрения уже введено правило проверки дел данной категории в порядке надзора. Дела об умышленном убийстве слушаются (согласно ст. 20 Конституции РФ) судом присяжных. Надо противостоять этой страшной угрозе лишения жизни невиновного человека. Но не делать заложником либеральных проектов — самих по себе, повторяю, прекрасных, но для России пока не пригодных — еще остающееся в живых население. Кстати, роковые судебные ошибки — обычно результат обвинительного уклона и давления следствия на суд. Избавьтесь от них и безбоязненно осуждайте злостных убийц на казнь.

И еще: кто сказал, что пожизненное заключение (если оно и в самом деле пожизненное) более гуманно, чем смертная казнь? И не только для осужденного, но и для его родственников и близких. Недаром в Западной Европе еще в середине XX века возникли общества содействия освобождению пожизненно заключенных. Словом, как ни накажи убийцу, получается «необоснованная жестокость»...

Первый институт международного гуманитарного права — право на жизнь. Но — законопослушных граждан, т.е. абсолютного большинства. Только надежно защитив его, можно в перспективе позаботиться о смягчении уголовной репрессии. Этим путем, непростым, но выверенным, шли все те государства, которые в конечном счете подготовили условия для отмены смертной казни. Именно так, а не безответственными псевдолиберальными акциями достигается безопасность общества, гарантированная защищенность каждого человека. Хотим мы того или нет, но тематика нравственности, морали, права не может быть отделена от вопроса, о каком числе людей идет речь, скольких индивидов лишение прав (или наделение правами) может коснуться. Весь опыт истории свидетельствует: как ни высоко должна цениться жизнь одного (и притом всякого) человека, но если его жизнедеятельность реально угрожает жизни многих, он не вправе оставаться равноправным среди них. Гегель был прав: в определенном смысле преступник сам налагает на себя наказание, т.е. ограничение своих прав. Лишая права других индивидов, иными словами, подвергая сомнению саму идею права, институт права как таковой, он распространяет на себя «принцип бесправия».

Известно, что моральные принципы, нравственные императивы и правовые аксиомы всегда и везде следовали за реальными социальными потребностями и интересами. Крайний пример: с точки зрения первобытного племени, выживающего в условиях постоянного дефицита животного белка, каннибализм не есть нечто аморальное, ибо он не что иное, как попросту жизненно необходимый, неизбежный способ существования и продолжения рода. Это лишь частное проявление подлинно «железного принципа»: если нечто составляет угрозу существованию самого вида *Homo sapiens*, т.е. рода

человеческого, то это «нечто» подлежит уничтожению. И напротив, право на жизнь серийных убийц, террористов, наркодельцов (тоже, по сути, террористов и убийц) означает нашу «обязанность умирать».

Поэтому не надо быть пророком, чтобы с уверенностью предвидеть нижеследующее. Если общечеловеческие угрозы — будь то терроризм, распространение СПИДа, наркоинтервенция (либо что-то иное, очевидно античеловеческое по самой природе своей) — будут расширяться, то самые либеральные, самые гуманные страны пойдут на введение (восстановление) смертной казни за умышленный и массированный подрыв самого существования нации и в целом рода человеческого. И ничто не сможет этому противостоять.

В исключительных, крайних, безвыходных обстоятельствах народы имеют право на самооборону во всех возможных формах. В свою очередь, государство как официально признанный представитель общества обязано защитить свой народ как от нападения извне, так и от современной террористической либо наркоагрессии. Иначе это не государство, а собрание сладкоречивых политических импотентов квазилиберального толка. «Квази» — потому что подлинно либеральные демократии всегда умело и эффективно пресекали любые нарушения закона, защищающего ценности либерализма, — свободу, безопасность, собственность, правопорядок.

Сегодня в России количество и масштабы умышленных убийств и, что не менее важно, неспособность общества и государства им адекватно противодействовать таковы, что обращение казни (по суду!) на умышленных убийц вообще, детоубийц, а также профессиональных убийц, серийных убийц и террористов стало условием необходимой самообороны социума. Нация, общество, власть обязаны противостоять криминальной агрессии, а не проливать слезы по поводу нашего несоответствия стандартам цивилизованных стран. Если мы не примем мер, то просто не доживем до этой цивилизованности. И потом, разве США и Япония, не рискнувшие полностью отменить смертную казнь, — уже не цивилизованные страны?

Физическое лицо, гражданин, пользуется по закону правом необходимой обороны от покушения на его жизнь вплоть до физического устранения нападающего. Общество такого права лишено. Почему? Потому что официальному юридическому представителю общества — государству — хочется выглядеть попривлекательнее в общеевропейском бомонде. Что, впрочем, не мешает содержанию в государственных местах заключения и предварительного ареста от семисот тысяч до миллиона и более людей в состоянии, равнозначном применению массовых пыток — по заключению всех международных наблюдательных и правозащитных объединений. Пытаем заключенных и отдаем на волю криминального произвола свободных граждан государства, чья действующая Конституция допускает применение смертной казни именно в виде общественной самозащиты и охраны человеческой жизни (ст. 20).

Позволю себе высказать предположение, которое до сих пор, кажется, не фигурировало в дискуссиях по поводу высшей меры наказания. В нашей стране существует могучее, влиятельное лобби, кровно заинтересованное в сохранении моратория на казнь и в полной ее отмене. Криминальный бизнес, в том числе близкий к политике и власти, сделает все, чтобы не допустить применения казни к наемным убийцам, ибо устранение опасных конкурентов, несостоятельных должников, несговорчивых кредиторов и других неудобных участников деловой жизни есть неотъемлемый элемент российского бизнеса — малого, среднего, большого и очень большого. Восстановление смертной казни резко повысит расценки на устранение банкиров, президентов фирм, «слишком честных» или, напротив, чрезмерно алчных чиновников и даже сократит контингент наемных убийц. Все-таки казнь — это не на долго, а навсегда. А вот лишение свободы — даже на 20 лет, даже пожизненное — всегда оставляет шанс на досрочное освобождение.

Апелляция к Всевышнему

Существуют среди многих иных, приведенных и уже прокомментированных, два аргумента против восстановле-

ния смертной казни, которые «гуляют» из выступления в выступление наших либералов.

Первый. Среди сторонников применения казни — коммунисты и фашисты. Ну и что, отвечаю я. Разве присоединение кого бы то ни было к рациональному мнению порочит это мнение, делает иррациональным, ложным, ошибочным?! Нет. Это не аргумент. По такой логике, следовало в конце 1940-х годов разрушить итальянские автострады и германские автобаны только потому, что их построили в условиях господства фашистов и нацистов. Чем такого рода рассуждения отличаются от анпиловски-истеричных заклинаний: «Да ведь это — от Гайдара, а то — от Чубайса»? И все, дальнейшее излишне, спор с оппонентом закончен...

Аргумент второй. В качестве решающего довода против смертной казни ссылаются на волю Всевышнего. Только он-де вправе лишать жизни, но не человек и человеческие учреждения, такие, как государство, власть, суд. Даже наш Президент — ясно мыслящий, образованный, просвещенный человек — поддался искусу и заявил, что только Бог вправе лишить человека жизни. Ну что ж, Владимир Владимирович, я поднимаю перчатку. Будучи Вашим убежденным сторонником и избирателем, тем не менее (а скорее, именно поэтому) позволю себе Вам возразить. Извините, но это суждение не профессионала-юриста и политика, а богослова или священнослужителя.

Напоминаю, Вы — Президент светского государства, и апелляция к Божественному Провидению в решении вполне мирской, земной и жизненно (в буквальном смысле) важной общегосударственной проблемы не может исходить из соображений, основанных на богословском фундаменте или на чьих бы то ни было религиозных убеждениях! Ваша вера — это ваше личное дело. Людей неверующих (но не безнравственных! — прошу запомнить) такие доводы не убеждают.

Не хотелось бы втягиваться в богословские споры, они равно утомительны и бесплодны. В Бога веруют, но существование или отсутствие Его, в пределах рациональных умозаключений, равно недоказуемо. Так что и руководить государством, и защищать его граждан можно, лишь остав-

ясь в пределах человеческого разума. Конкретные вопросы жизни (тем более, жизни и смерти!) решать, руководствуясь толкованием Божественных откровений, во-первых, бессмысленно и контрпродуктивно, а во-вторых, допустимо только в теократических государствах (прежде всего, фундаменталистско-теократических). Впрочем, уверен, что наш Президент понимает все это не хуже меня. Апелляция же его к воле Всевышнего — в данном случае не более чем элегантный (но достаточно избитый) пиаровский ход.

Итак, до запрета на казнь Россия не доросла. В отношении серийных убийц, «террористов массового поражения», умышленных убийц, особенно при совершении преступлений с отягчающими обстоятельствами, детоубийц, «наркотеррористов» — изготовителей и оптовых дилеров наркотических средств смертная казнь по суду не просто допустима, она необходима. Конечно, по суду присяжных и с десятикратной перепроверкой материалов дела и обоснованности приговора.

Мы придем к этому, я не сомневаюсь. Но каждый год промедления — это множество бессудных убийств, а главное, всеобщая убежденность в безнаказанности преступлений и в бездушии государства, его безразличии к ценности жизни собственных граждан.

М. Веллер

40 ТЕЗИСОВ В ОСУЖДЕНИЕ УБИЙЦЫ

О ком речь

Под убийцей здесь понимается тот, кто признан судом виновным в убийстве без смягчающих обстоятельств. Убивший из садистских склонностей или из корысти, сознательно, с обдуманым намерением. Не из ревности, не в состоянии тяжкого душевного волнения, не по неосторожности, а также не из мести за близкого убитого человека. Он